

ДНЕВНИК МОИСЕЯ ВАКСЕРА*

1942 год⁷

Удивительным документом блокады стал личный дневник Моисея. Он представлял собой небольшие записные книжки с записями и рисунками. Вел Моисей этот дневник, хотя и нерегулярно, почти до конца своей жизни. Нельзя без глубокого волнения читать эти строки – в них и пронзительно ясное видение страшного быта осажденного города, и юмор и личное мужество, и беззаветная преданность искусству, и любовь к жизни... Он делал записи в полутемных подвалах Эрмитажа, поэтому и назвал дневник «Записки пещерного человека».

Вот записи из последней записной книжки. До смерти Моисея оставалось уже меньше месяца.

7/1-42.

Бриолин горит очень ароматно и аккуратно, но страшно неярко. Неярко до того, что надо писать ощупью.

Сегодня, выбравшись из-под одеяла часам к 11, больше часа провозился с новой баночкой с фитилем (кусочек ваты). Испоганил в помаде все руки, кисти, столик, но что-то заедает – нету четкости. Убрал со стола гуашь (в ноги топчана) и сложил книги – освободилась территория для постановки кастрюли и т. д. Короче, провозился так, что смог выйти лишь в половине второго.

Позавтракали часов в 11 – я глоток рыбьего жира и 2 лепешки витамина В, Тотя – 2 ложки экстракта. Роскошь, которую можно себе позволить, учтя, что у нас осталось на декаду 132,5 крупяных.

Тени в подземелье напугали с утра рассказами о метели. Чуть! Чудесный день, мороз не больше 10–12 гр. и не скользко – по дороге туда не упал ни разу. У штаба отогнул воротник и решил впредь не поднимать его – гораздо маневреннее себя чувствуешь. Шагаю сегодня неплохо, даже бодро, хотя мышечная слабость, честно говоря, отчаянная.

Автомобили благоухают уже не так хвоей, как чем-то приторным – такой липкий кондитерский запах. Впрочем их немного и можно спокойно идти посредине улицы, где не так утоптанно.

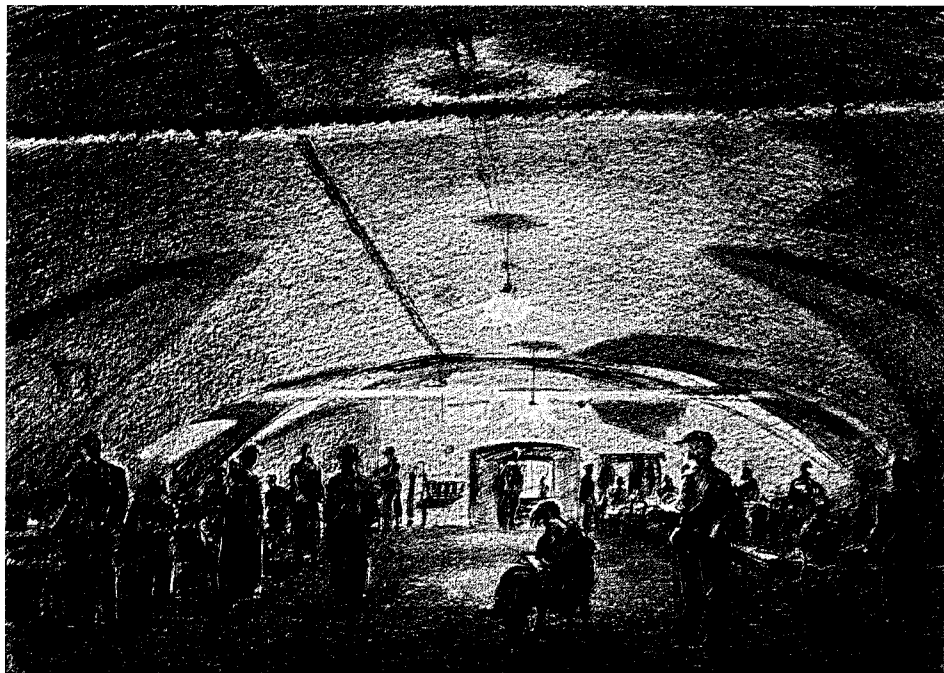
Шагающие люди на Невском.

В ТАСС с болваном Горбуновым⁸ 2 часа болтовни о новой серии и 3 часа... (здесь и в некоторых других местах прочесть запись не удалось. – А. В.⁹).

...25 гр. крупы и 25 мяса. В конце концов это хамье мне их швырнуло. Старая жопа бормочет о Горкоме партии и прочем, но ничего он не делает, этот человек – он слаб и так мозгами, а от голода совсем захирел. Работать негде – в этом кабинете мне еле позволили приткнуться к краю стола. И на том спасибо – тепло и свет! Грел руки и сжег на буржуйке крышку варежки. Чуть не разревелся – вылезла вата, надо зашить, а где и как?

Съел суп «овощной» и 4 дурандо-казеиновых какашки. Выпил уксус – подливку к ним; остро, и на том спасибо. В баночке от табака несу 4 лепешки Тотя. Это ее завтрашний обед, т. к. на суп не хватит талонов.

* Орфография и пунктуация подлинника сохраняются.

Эрмитаж. 3-е бомбоубежище под Итальянскими залами, где жили сотрудники Эрмитажа
Ленинград. Александр Никольский. Декабрь 1941. Рисунок

Стационар Академии художеств. Утро 31 января
Ленинград. Александр Никольский. 1941. Рисунок

Пропуск на право
прохода по Ленинграду
в ночное время

ПРОПУСК № 3521
Выдан гр. Ваксер
Моисей Борисович
(фамилия, имя, отчество)

**НА ПРАВО ПРОХОДА
ПО ГОРОДУ ЛЕНИНГРАДУ**
с 22 час. веч. до 5 час. утра
(предъявление паспорта обязательно).

**Комендант Гарнизона
гор. Ленинграда**
Полковник Алексей
(Денасов)
Заказ № 3211.

Всероссийская
Академия Художеств
Университетская наб. 17
телоф. 415

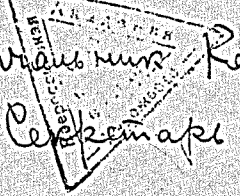
3/1-42.

Справка

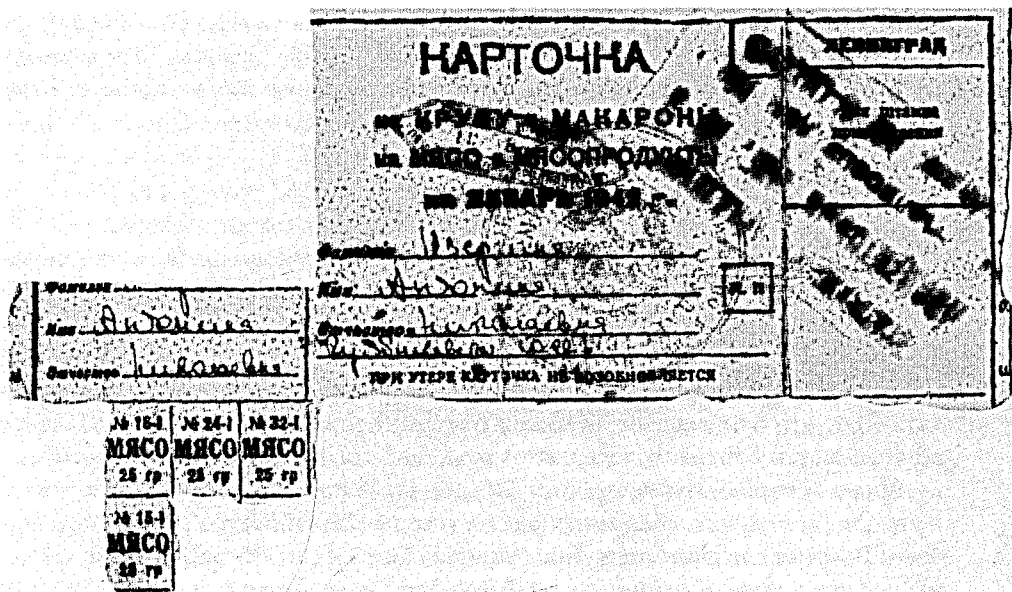
Дана т. Ваксер, е.б. в
том, что он является аспирантом
Всероссийской Академии Художеств
по Архитектурному факультету
с 1 января 1942 г.

Дана для представления в
Военкомат.

Михаильевич Разров Мерахов
Секретарь М.И. Ринк

Справка о зачислении М. Ваксера в аспирантуру Всероссийской академии художеств
Январь 1942

Продовольственная карточка А. Н. Изергиной. Январь 1942

Домой дошел быстро и упал всего один раз, но пока прошел служ. коридор Эрмитажа, зал ваз и проч., я полетел 4 раза, из них 2 во дворе. Чиститься (т. к. все в паутине) буду завтра на улице.

Тотя прикорнула у меня на топчане и даже слабо реагирует на мое опоздание. Возле нее рыжая тетка.

Ей очень нехорошо – сморил насморк. Мне жизнь не в жизнь, а она хлопочет о том, чтобы я отогревался, и пытается разогреть подсушенные для меня сухари (сегодня у нас хлебный день!). Хлеб тепловатый и кофе нет, т. к. плита давно уже перестала топиться, но все же есть упоительно вкусно – черт с ним, с горячим.

Самые горькие минуты – это окончание «пира».

Вид больного детишкина разрывает сердце, а она не может ничего понять и твердит, что у нее просто насморк.

Отбирали пропуска, т. к. будут ставить (слух) буржуйки и будут (не слух) выселять всех неблизких родственников. Т. сказала, что я муж.

Бедный родной деткин! Поправляйся!!!

9/1-42. Четверть одиннадцатого утра.

Встал сегодня рано (проснулся в начале восьмого), т. к. хотел подпечь дуранду (6 штук) и подогреть кофе Тоте, но, увы, плита не топилась, а кипятка уже не было.

Поели дуранду холодной – с перцем и солью, «говно», а главное мало! Тотя простужена и видно серьезно. Что писать обо всем этом? Гурько, беспомощно, грустно. Нечего писать об этом.

Рыжая тетка с «лицом преступницы» оказалась весьма сердобольной еврейкой. Она своим «чудодейственным бальзамом» мажет нос Тоте и массирует мне руку. Пахнет хорошо, но пальцы все же двигаются не ахти как – скажем мягко.

10/1-42.

Оборвал, так как позвала Тотя. Вчера она в основном отлеживалась.

Вчера мрачный день, почувствовал, что сдаю. Отчаянная физическая слабость. Провел день в Академии и страшно трудно подниматься по лестнице и двигаться и проч.

Смерть Елены Ивановны. Сам полумертвый Володя Абрамов сообщил мне об этом. Абсолютно обезумевшая одинокая Талка, я бессилён что-либо сделать – вот это отнимает остатки сил и воли – это мучительней всего. Писать об этом не могу. Хотел все же пойти туда, но Тотя категорически не пускает.

* Вчера вечером совсем раскис – Шура дала вина. Спал много, отошел чуть к утру, но встать было безумно тяжело. Поели с Тотей... супа и кровяной колбасы. Встреча с лучезарным Никольским: «Сейчас он мой аспирант, мы должны работать над собранием...». И Тоте об этом. Неужели это сейчас Париж? Для ТАСС не могу работать!

Зарька¹⁰.

Абсолютно промерзший, полтора часа на подъезде, он пришел из-за Охты! У них хорошо – он в теплой землянке, мало двигается и все же 2 раза в день... Сидели в бомбоубежище у меня на койке с ним, Тотей и Никольским... Меня Зарька трогает до слез.

Поход в ВАХ, прикрепление на рацион.

Вечером съели с Тотей последнее пшено.

Выменял в Академии у красноармейца 30 гр. Шпика за «Норд» и 20 р.

11/1-42.

Мороз.

Рацион в Академии. Утром мучная каша – почти тарелка! Конфета, чай. Обед ждали в холодной мастерской – работать не мог из-за рук, потом в скульптурке смотрели рисунки старых мастеров. Валя Рыбалко переворачивала страницы. Оттаял немного душой. Обед... мучной суп и 50 гр. колбасы. До слез мало. Но вкусно, хотя колбаса наверное из опилок.

В Эрмитаже удар – переселение в салон для изгоев – старушки и пр. дрянь, не имеющая права входа в чистые двери наравне с... и собаками. Холодно, далеко от Тоти и Никольских.

Отрываюсь от ТАСС.

Эх, ма!

13/1-42.

Вчера по-видимому был абсолютный ноль.

Дно.

Мороз, красивый, с инеем, с туманной дымкой.

Я брел в Академию еле-еле. В Академии вымерз до тла. Чувство ужасной физической слабости. Сидел в мастерской у холодной печки, глядел архитектуру за рубежом... будничные, но там солнце, тепло, люди строили и ели, писали и ели, и не мерзли. Купил горстку плавленного сахара, суть та же – 100 гр. за Беломор и 50 р. и за две пачки 200 гр. хлеба.

Вечером (сумерки) страдный путь домой – самое страшное. Раскатанные колеи от автомобиля при переходе улицы и при спуске с моста. Грохнулся ужасно около самого Эрмитажа на бедро.

Вечером – отошел чуть – Тотя подпекла хлеб, ели сахар, пили кофе (и вообще я был «сыт» из-за рациона, но физическая слабость!). Я не мог двинуться. Рыбий жир Тотя смешала перетопленный с таким и положила в портфель незаткнутую копилку. Весь керосин расплескался и залил 5 пачек папирос. Мы бурчали друг на друга – бедный детишкин!

В общем было дно или потолок душевного и физического маразма. Я еле разделся. Хотел снять... и не мог из-за руки. Залез под одеяло и пальто и не мог устроиться поудобнее. Ноги не отошли за всю ночь.

Ночью проснулся часа в 4 – не мог спать, было дурновато из-за рыб. жира. Вообще не очень поверилось (в первый раз), что выберемся.

Потом (это, конечно, не потом, а подготовила Тотя) взял себя в руки.

В 9 проснулся, делал гимнастику под одеялом, разминал мышцы. Пришла Тотя, согрела кофе, поели сахару. Она помогла мне встать – вообще день начался совершенно иначе.

Я упал, едва выйдя, опять на то же бедро и брел еле-еле. Очки в кармане, а нос завязан шарфиком. Воздух – пустой, розовый туман с ярко-оранжевым пятном солнца, иней. Адмиралтейство и Исакий абсолютно фантастичны. Люди бредут как у Дж. Лондона. Надо выбирать место, по которому только что проехала машина. Еще раз упал на то же место!

В Академии – пахнет жизнью – я получил чашку какао (мило!), ломоть павл. сыра, блюдце повидло, съел все (кроме повидло – взял в баночку). Свет! Почувствовал себя крепко.

В мастерской Уляш попросил меня сделать пастелью рисунок, и я одной рукой рисовал. А Мардук мне все подавал и подвигал – рисовал чуть не носом, пастель сыпалась на меня, я уставал от напряжения, вызванного штриховкой, но воспрял духом и воспарил и почувствовал себя в седле!

Гоп, гоп! Поехали!

Обед – дрянная жижа из крупы и мало каши, но с хлебом. Я наелся. Здоровый ломоть выменял за 2 пачки «Звездочки» у милиционера. Ужин!

Говорят о Мне и о речи Попкова. Это, конечно, журавли в небе, но приятно.

Нет, выживем!

Искусство – хорошая штука, стоит жить из-за него!

Говорили с детишкиным не о еде, а о том, что будет «потом».

Вероятно в середине января были сделаны два рисунка. В них нет аллегорических гипербола, угрировки. Сделанные по непосредственным, живым впечатлениям, может быть просто с натуры, они страшны своей простотой, тем, что это увиденная правда, и тем, что они, видимо, потребовали усилий

уже за пределом возможного. Один из них – сидящая женщина, в предельном отчаянии охватившая голову руками, – очевидно, зарисовка в бомбоубежище. Другой – стоящая женщина с кошелкой, со смятыми карточками в руке. Она смотрит на них в каком-то растерянном оцепенении. Жестокая правда блокаде дней.

Моисей Ваксер умер в ночь с 3 на 4 февраля 1942 года в стационаре Академии.

Он оставался художником до конца.

Из дневника А. Н. Болдырева¹¹:

6 февраля 1942.

Умер также приятель Тоти – талантливейший молодой художник: отправился с рюкзачком в стационар, пришел, лег и умер.

Из записей Г. Кофмана¹²:

Умер Ваксер, с этим невозможно примириться. Фашисты задушили голодом человека, которому предстояло так много дать искусству!.. Поминали добрым словом нашего друга. Ни о чем не мог он говорить, не рисуя что-либо при этом. Он просто не мог не рисовать. В последний раз я видел его совсем слабого в Академии. Он показывал чудесные эскизы своего проекта восстановления Павловского парка. Он верил, что своими руками будет оживлять красоту, которую растоптали фашисты. Ваксер очень хотел выздороветь, его тянуло на фронт, он, как и все юноши того времени, мечтал о подвиге. Подвигом стала вся его короткая, честная и мужественная жизнь.

¹ В это время Антонина Николаевна находилась в альпинистском лагере на Кавказе.

² Надежда Януарьевна Рыкова.

³ Рахиль Моисеевна Хай.

⁴ Лев Львович Раков.

⁵ Змитрок Бядуля.

⁶ «Вольная Ваксерилья» – сборник карикатур (акварель), предназначенные для самых близких людей. «Он... населил воображаемую страну Ваксерилью обществом Ваксерильцев, вобравших в себя все нелепости и кощунства своего времени» (Ари Ваксер).

⁷ В это время Моисей Ваксер с Антониной Николаевной жили в бомбоубежище Эрмитажа.

⁸ П. А. Горбунов (Есин).

⁹ Примечание брата Моисея – Ари Ваксера.

¹⁰ Элеазар – брат, лейтенант, в это время служил в частях ПВО под Ленинградом, на станции Лисий Нос. – А. В.

¹¹ Болдырев А. Н. Осадная запись. (Блокадный дневник). СПб., 1998. С. 52.

¹² Художники города-фронта. Л., 1973.

ПИСЬМА А. Н. ИЗЕРГИНОЙ РОДИТЕЛЯМ И БРАТУ МОИСЕЯ ВАКСЕРА

4. II. 1942

[Ленинград]

Ленинград 112, п/я 365/а. Лейтенанту Ваксеру Е. Б.

Дорогой Зарик. Все кончено. Моисей умер 4-го. Умо-
ляю Вас приехать как можно скорей. Необходимо Ваше
присутствие. Вы меня найдете либо в Эрмитаже. Либо
дома. Целую Вас и жду. Ант. Ник.

22. VII. 1942

[Алма-Ата]

Дорогой Борис Львович! В ответ на Ваше письмо я уже
месяц как послала письмо с фотокарточкой и не знаю, до-
шло оно до Вас или нет. Очень не хочу терять с Вами свя-
зи и потому очень прошу ответьте мне, получили ли Вы
мое письмо и эту открытку. Может Вы переменили адрес?

Целую Вас и жду Вашего письма.

Антонина Николаевна Изергина.

14. XI. 1942

[Алма-Ата]

Дорогой Зарик!

Очень была рада получить от Вас открытку. Вы тоже
для меня совсем родной человек, и я обязательно хочу
знать, где Вы находитесь, что с Вами происходит, и пото-
му пишете обязательно.

Живу я сравнительно благополучно, физически ото-
шла и снова работать буду по альпинизму; поеду на 1,5
месяца в горный лагерь. Где Ваши родители и откуда они
узнали мой адрес? Не могу без ужаса думать о том, каково
им было, когда они узнали, что произошло в Ленинграде.
Несмотря на все ужасы, жалею, что уехала из Ленинграда.
Я знала, что буду жалеть еще когда уезжала, но мне было
слишком невыносимо оставаться там без Моисея. Об нем
я думаю постоянно, страдаю и скучаю. Зарик, я знаю, что
Вы бывали у меня дома, сохранились ли его рисунки-
сказки? Их нужно обязательно сберечь. Напишите по-
дробней о Вашем существовании.

Целую Вас, будьте целы и сохранны.

Антонина Николаевна

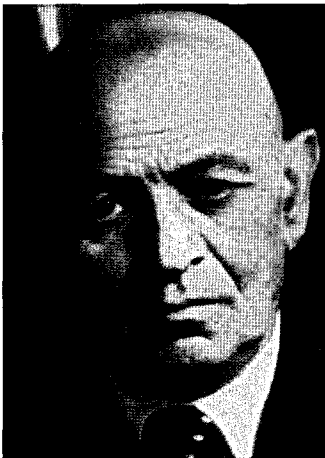

А. Н. Изергина. 1941

Э. Б. (Зарик) Ваксер,
брат Моисея Ваксера
1942

Б. Л. Ваксер,
отец Моисея Ваксера

25. XI. 1942

[Алма-Ата]

Дорогой Борис Львович!

Получила Ваше письмо и спешу ответить. Отвечаю с опозданием, потому что Ваше письмо пришло, когда меня не было в городе. От Зарика я получила открытку, но он не писал мне, что Вы узнали мой адрес. Вашего последнего адреса не узнала, иначе, конечно, давно бы Вам написала сама.

Я знаю, что утешать Вас в Вашем ужасном горе – невозможно и безнадежно. Несмотря на то, что время проходит – мне все так же тяжело и все так же я не могу примириться с тем, что произошло. Могу только сказать Вам, что, несмотря на исключительно тяжелые условия существования – Моисей до самого последнего времени, во всяком случае до 26/ I 42 г. – не терял бодрости и мы никогда не говорили о возможности такого исхода. Это подтверждается и его дневником, вернее маленькими записями, которые он делал в январе. Я нашла это уже после его смерти. Я б Вам прислала этот небольшой дневник, но мне самой очень не хочется с ним расставаться, да и пропасть может. Я не сомневаюсь, что мы с Вами увидимся в жизни и сами его прочтете. Много было трагичного, но много было и такого, что скрашивало и облегчало все наши мытарства. Об Вас он думал постоянно, очень беспокоился, очень радовался Вашим письмам и телеграммам. 26/I – он лег в стационар. Мы этого очень ждали и когда он туда отправился – я была спокойна, что он в тепле и, относительно, сыт. Ужасно то, что я несколько дней не могла его навещать. Сама очень ослабела в эти дни. А когда я пришла – то увидела, что именно в стационаре-то он и сдал. Что написать об этом? Вам рассказывали об этом. Питанием в последние дни он был обеспечен. Когда-нибудь – я, при встрече, сама Вам расскажу все, а сейчас и писать тяжело.

Моисей мне много рассказывал о своей семье и я, не видав Вас, отношусь ко всем Вам, как к близким и родным людям. Зарик у я написала; он мне написал, что он здоров. В связи с последними счастливыми новостями можно надеяться, что Арик (брат Моисея. – *Ред.*) останется при Вас и на фронт уже не пойдет. Как Вы живете и как устроились в Ср. Азии?

На меня снова свалилась беда. Умер мой отец. Он жил под Ташкентом, мы ему помогали как могли, но он был стар, болен, беспомощен, переехать к нам он не мог. Мы с сестрой очень это переживаем.

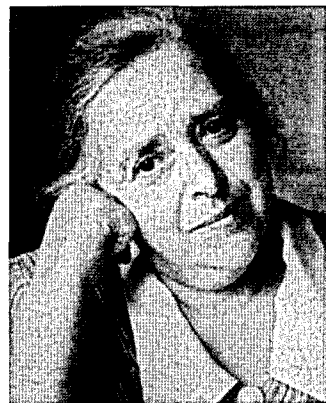
Все рисунки Моисея остались у меня в Ленинграде. Вызвезти я их не могла. Я ехала в такое время и в таком состоянии, что взяла только самое необходимое. Квартира моя пока цела; целы значит и его рисунки, которыми я очень дорожу. Посылаю Вам ту карточку, что у меня в двух экземплярах. Остальные надо переснять. Как только это сделаю, вышлю Вам переснимки. И буду Вам очень благодарна, если Вы переснимите те карточки, что есть у Вас. Надеюсь, что Вы ответите мне. Очень буду ждать Ваших писем и карточек.

Целую Вас и Вашу жену. Ваша А. Изергина

[Первая половина 1943 г.]

[Б. Л. Ваксеру и С. И. Ваксер]

[Алма-Ата]

С. И. Ваксер,
мать Моисея Ваксера

Я не могла ответить сразу на Ваше письмо, потому что 1,5 месяца работала в горах и была оторвана от всякой почты. А теперь получила Вашу открытку. Я так понимаю Вас, Борис Львович, что Вам «не пишется», хотя и хотели б говорить о том, что всего важней.

Для меня также. Мне даже имя его трудно написать, у меня сразу начинают течь слезы. Скажу только одно: я готова была б пережить все сначала, все мучения прошлой зимы и даже удвоенные лишь бы быть с ним эту последнюю ночь и чтоб я, а не Кочь (В. И. Кочедамов. – *Ред.*), слышала эту фразу. Я не знала об этой фразе, также я не знала, что все это произойдет так быстро.

Я переписала сама его записки (видите, это даже трудно назвать дневником, так это коротко и отрывочно) и посылаю Вам полностью, может это доставит Вам еще мучения, но Вы меня просили и я не имею права отказать. Я знаю, Вам будет очень трудно читать. Я сама обнаружила его записки в момент моего отъезда и первый раз прочла их на станции, переехав Ладогу, все не хватало сил. Каково мне было прочесть все это. Но я хочу верить: Ваше родительское сердце, Ваша любовь к нему даст Вам силу увидеть в этих записках, что он все-таки сохранил бодрость духа, что он оставался человеком. Я не посылаю Вам подлинника, потому что боюсь, что пропадет и потому что мне не хотелось бы расстаться с этими записками. Многоочия я ставила там, где не могла разобрать; все остальное – слово в слово точно. Больше я не могу ни о чем писать. Простите, что пишу так сумбурно, но, несмотря на то, что уже больше года прошло, я все также прихожу в смятение, когда начинаю писать или говорить об этом.

Борис Львович и Софья Ильинична, если Вам будет трудно писать об этом – я и так пойму; я знаю, что легче писать о других вещах. Что пишет Вам Зарик? Я от него тоже получила коротенькое письмо.

Целую Вас, пишете, я, конечно, никогда не порву с Вами переписки. Может быть, мне удастся поехать в Ленинград. Это сейчас решается. Пишите, простите, что задержала ответ, но очень мне было тяжело переписывать все это (в душевном отношении).

А. Изергина

11. VI. 1943

[Алма-Ата]

Дорогой Борис Львович!

Я начинаю думать, что опять что-нибудь произошло с письмами. Уже очень давно я Вам послала письмо, в которое вложила переписанные мной Моисеевы записки. Дошло ли это письмо до Вас? Либо Вы его не получили, либо я не получила Вашего.

Я очень боюсь потерять с Вами связь. Сейчас я снова буду находиться частью в горах, частью в городе.

Но письма мне будут пересылать, поэтому очень прошу написать мне.

Что Вы имеете от Зарика?

Целую Вас и Софью Ильиничну.

Ваша

А. Изергина

Как новый адрес Зарика?

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
CARTES POSTALES

Куда *А. Станцы Зарик*
Почтенное место, где находится почта, и области и края, а для станций — наименование железной дороги

Алма-Ата
Район, село или деревня

Камель-Дарыкский ДС на ред. сев.
Улица, № дома и квартиры

Кому *Борису Львовичу Васер*
Полное наименование адресата

ПИШИТЕ ПРАВИЛЬНЫЕ, ТОЧНЫЕ И РАЗБОРЧИВЫЕ АДРЕСА

Адрес отправителя
Adresse de l'expéditeur } *Алма-Ата, Красная 105. Изергина.*

ПРОСМУТРИТЕ
военный цензурный
АЛМА-АТА
96

20 JUN 1943
АЛМА-АТА

Дорогой Борис Львович,

Я не много думаю, но о том что и
будь произойдет с письмом. Уме
оно давно и Вам послать письмо,
которое выписали переписавши под
нашими записи. Должно ли оно
идти до Вас? Либо Вы его не по-
лучили, либо и не получили письма.
Очень плохо сами приходите письмо.
А если совсем победит с Вами связь.
Сейчас и слова буду находить и
стою в руках, а что в городе. Но
теперь мне буду переписать, по-
тому очень правду написал мне.
Что Вы и мне с Записи?

Целую Вас и Сергею Викторовичу.
Рашия

Александр
Как новый адрес Записи?

5. II. 1945

[Б. Л. Ваксеру и С. И. Ваксер]

[Ленинград]

Вчера минуло три года, как умер Моисей и это остается все таким же тяжелым и все так же невозможно с этим помириться. Сейчас восстанавливается городская жизнь, создаются всякие архитектурные проекты и я все время думаю, какое место занял бы во всем этом Моисей, как интересно, талантливо и плодотворно он мог бы сейчас работать. Ужасно хочется что-нибудь издать из его работ: рисунков, проектов. Ведь он один из первых начал здесь работать во время блокады для окон ТАСС. Если нельзя сейчас [стерто] сделать отдельным монографическим выпуском, то я думаю, что через некоторое время встанет вопрос об таком издании, увековечивающем память погибших во время блокады. Это обязательно нужно сделать. К сожалению, сейчас в Академии Худ. еще такая неразбериха, что конкретно в данный момент они за это взяться не могут. Я все время держу связь с Академией и подстерегаю все возможности.

Простите, что пишу так редко. Занятость и постоянная беготня меня совершенно сбивают с толку. Но Вы, Борис Львович и Софья Ильинична, всегда у меня связаны с Моисеем и я всегда думаю о Вас, как о родных людях.

Как Вы живете? Что Вам пишет Зарик? Я что-то долго о нем ничего не имею. Где он? Если Вы будете куда-либо переезжать, обязательно сообщите мне свой новый адрес. Я уверена, что мы должны с Вами увидеться.

Целую Вас, пишете.

Ваша А Изергина